

НИКОЛАЕВ Никита Иванович / NIKOLAEV Nikita

Санкт-Петербургский государственный университет / St. Petersburg State University
Россия, Санкт-Петербург / Russia, Saint-Petersburg
niknikspbu@gmail.com

ПЕРЕГОВОРЫ О ПЕРЕМИРИИ В РАЙОКИ — ПРЕЛЮДИЯ К ТАРТУСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

THE TRUCE TALKS IN RAJAJOKI — A PRELUDE TO THE TARTU PEACE CONFERENCE

Abstract: The consultations of militaries of Finland and Soviet Russia in the border town of Rajajoki in April 1920 were the first meeting of delegations of countries after negotiations in Berlin in August 1918. For almost two years, relations between the two neighboring states were very strange. Despite the absence of an official state of war, the Finnish armed forces and volunteers repeatedly invaded the territory of Russia in Karelia and Murman. The successful operations of the Red Army in the second half of 1919 — early 1920 allowed Soviet Russia to regain control of the Northwestern territories lost during the Civil War, except for the two parishes: Rebola and Porosozero. In the spring of 1920, the Red Army reached the borders of disputed parishes. The Bolshevik leadership suspended the offensive, offering the Finns consultations with a view to concluding a truce. The meetings in Rajajoki had become an important milestone in the bilateral relations of the states on the way to the peace negotiations that were to begin a few months later in the Estonian city of Tartu.

Ключевые слова / Keywords: Внешняя политика Советской России, советско-финские отношения, гражданская война в России, Печенга / Foreign affairs of Soviet Russia, Soviet-Finnish relations, Civil war in Russia, Petsamo

1920 год стал переломным во внешней политике молодого советского государства. Гражданская война постепенно подходила к своему логическому завершению, на передний план выходил вопрос о восстановлении разрушенной экономики страны. Внутренних ресурсов было недостаточно — поэтому пришлось на время отказаться от активного продвижения идей о мировой революции на Запад и договариваться с сопредельными странами о мирном развитии взаимоотношений.

Особую роль в советской внешней политике играло балтийское направление — обеспечение торгового судоходства и безопасного положения Петрограда было главной причиной мирных инициатив большевистского руководства. Если с Эстонией удалось договориться довольно скоро (2 февраля 1920 года между страны подписали мирное соглашение), то Финляндия оказалась «крепким орешком» для Советской России. Мирные инициативы Народного Комиссариата по Иностранным Делах нашли отклик лишь весной 1920 года. Своеобразной «разведкой боем» должны были стать переговоры о перемирии.

Они начались 12 апреля 1920 года в пограничном местечке Раяйоки (ныне руины железнодорожной станции можно найти между Белоостровом и Солнечным). Русская делегация состояла из члена РВС Петроградской Трудовой Армии Михаила Михайловича Лашевича (председатель делегации), члена Полевого Штаба РВСР Александра Александровича Самойло, сотрудника Морского Генерального Штаба Евгения Андреевича Беренса. Все перечисленные имели право решающего голоса при принятии решений. Также в состав делегации входили представитель НКВД Борис Егорович Зуль и помощник начальника разведочной части Полевого Штаба Петр Кузьмич Удалов (делопроизводитель). Финская делегация включала в себя генерал-майора Мартина Ветцера (председатель делегации), майора Генерального штаба Айно Сомерсало, корвет-капитана Эйнара Шванка — все три с решающим правом голоса. Остальные члены — представитель МИД Финляндии, магистр философии Лаури Хайникайнен, представитель Финляндского временного экономического комитета инженер Альберт Рихард Энкель (делопроизводитель делегации) и лейтенант Эдуард Пилкинен (адъютант председателя и секретарь делегации)¹. Советской делегации были предоставлены жилые помещения с аппаратом «Юза» и прямым проводом в Россию, также сами члены делегации, как и курьеры, объявлялись неприкосновенными.

В первый день произошла проверка мандатов, после чего делегаты решили технические вопросы проведения переговоров. Протоколы было решено вести советской делегацией на русском языке, финской — на немецком. Также представители Финляндии и Советской России договорились на следующий день, 13 апреля, выслушать советские и финские предложения и обсудить их.

Первый день работы комиссий начался с выступления председателя советской делегации. В своей речи Лашевич заявил, что СНК и ВЦИК доказывают не только на словах, но и на деле своё миролюбие по отношению к другим государствам и не требуют приращения своей территории за их счёт. В то же время они считают, что обязаны защищать интересы российского трудового народа и неприкосновенность республики. Важно, что председатель делегации указывал² на отсутствие состояния войны между Советской Россией и Финляндией, однако отмечал, что страны фактически ведут между собой военные действия. Основной базой для ведения переговоров он назвал границу 1914 года, однако с исключением для территорий Ребольской и Поросозерской волостей — они должны стать нейтральной зоной. Относительно положения в Финском заливе предлагалось следующее: «нейтральный большой корабельный фарватер шириной в три мили считая от

¹ Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия. 1918–1920. М., 1975. С. 186.

² Российский государственный архив военно-морского флота (далее — РГА ВМФ). Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 776. Л. 3.

входа в Финский залив и до пункта, лежащего примерно по середине Финского залива на меридиане восточной оконечности острова Бьорке. Далее, к востоку от этого пункта к сухопутной государственной границе, выходящей на побережье, идёт демаркационная линия, за которую обе стороны взаимно не переходят»³. Пользование большим корабельным фарватером должно быть обеспечено судам всех стран. Также отмечалось, что водным пространством в районе российского побережья, в районе островов Лавенсари и Сескар, Лужской губы и Капорского залива могут пользоваться только советские суда.

Особо оговаривалось положение остатков белых армий, оказавшихся на территории Финляндии. Их требовалось разоружить и интернировать, а оружие — нейтрализовать. Личный состав этих армий недопустимо принимать в состав вооружённых сил Финляндии. Здесь налицо недостаточная осведомлённость советской делегации относительно внутреннего положения дел с русскими эмигрантами. В широких общественных кругах были сильны шовинистические настроения⁴, поэтому, даже при большом желании, русские белогвардейцы никак не могли вступать в состав вооружённых сил Финляндии, многим армейским чинам приходилось спешно покидать территорию страны.

Помимо прочего, Лашевич указывал на недопустимость при заключении перемирия нахождения в финских гаванях иностранных военно-морских и воздушных сил, враждебных Советской России.

После непродолжительного перерыва финская делегация предоставила ответ на советские предложения. Относительно белогвардейских сил на территории Финляндии председатель делегации Ветцер отметил, что они формировались не на их территории, в отличие от частей красных финнов. Более того, отряды генерала Скобельцина были разоружены и интернированы. Ветцер также обратил внимание русской делегации на то, что во время «освободительной войны 1918 года»⁵ ни один русский офицер не был принят в Финляндскую армию, несмотря на большое количество таких предложений. Напротив, в составе красных воевало большое количество русских солдат офицеров, более того — в настоящее время многие граждане Финляндии сражаются против своего государства в составе советских частей. Относительно британского флота (отметим, что Лашевич не указывал национальную принадлежность иностранного флота) председатель финской делегации отмечал, что их присутствие в Финском заливе и действия

---

³ Там же. Л. 4.

⁴ О теме русофобии: *Kagnas A. Beyond Russophobia: A Practice-Based Interpretation of Finnish-Russian / Soviet Relations // Cooperation and Conflict. 2001. No. 46. P. 40–59.*

⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп.3. Д.776. Л.6.

против советских батарей носили ответный характер после нападений на форты Ино и Пумало⁶.

Лашевич отметил, что под враждебными частями на территории Финляндии он имел в виду не только части Белой армии, но и другие формирования. В качестве примера был приведён Ингерманландский отряд. Также председатель советской делегации отрицал факт нападения красноармейских частей на финские пограничные форты.

Ветцер отметил, что эти вопросы не являются основными в работе делегаций и вернулся к обсуждению непосредственных проблем, а именно — демаркационной линии. Председатель финской делегации отметил (после того, как попросил советских специалистов показать на карте большой корабельный фарватер), что острова Сескар и Лавенсари всегда были финской территорией. После этого уточнения Ветцер вновь вернулся к вопросу о враждебных вооружённых формированиях, напоминая, что таковых на территории Финляндии нет, в то время как на территории России присутствуют вооружённые финские коммунисты. На эту претензию Лашевич ответил, что финские коммунисты на территории России уже натурализованы⁷.

После обсуждения советских предложений финская делегация предложила свой проект⁸ перемирия. Он подразумевал создание на линии соприкосновения войск охранных полос, которые очень подробно оговаривались в проекте. На Карельском перешейке она ограничивалась линией Хумалиоки — Куолеманъярви — Периярви — Кексгольм с одной стороны и Невой с северным рукавом с другой. К северу от Ладожского озера и Свири охранный полоса устанавливалась линией Сердоболь — Йоэнсуу и далее до пересечения северной границы Ребольской волости и финляндской границы, затем вдоль финляндской границы до реки Нуортиоки, далее вдоль линии Нуортиоки — Нуортиярви — Ристикеннтя — Туломайоки⁹ на расстоянии около 20 километров по водоразделу между Колой и Урабухтами до Ледовитого океана с одной стороны и Мурманской железной дорогой, линией Александров — Кандалакша, вдоль берега Белого моря до Сороки, далее вдоль железной дороги до Петрозаводска и вдоль берега Онежского озера и Свири с другой стороны. Таким образом, охранный зона непосредственно примыкала к стратегически важной Мурманской железной дороге, что было неприемлемым для советской стороны. В полосе на Карельском перешейке, согласно финскому проекту, сторонам разрешалось разместить не более

---

⁶ Там же. Л. 7.

⁷ Там же. Л. 8.

⁸ Там же. Л. 10.

⁹ Финны указывали, что по этой линии предлагалось делегатам на Парижской мирной конференции установить границу Печенги.

40 человек на каждый километр границы и 8 орудий на 1000 человек. В Карелии эта цифра достигала 30 человек на километр.

Также отдельно оговаривалось количество вооружённых сил с финской стороны на территориях Печенги, Ребол и Поросозера. Финляндия ограничивала свой воинский контингент до 2500 человек в обоих пунктах. Россия же, согласно проекту, не имела права располагать войска к западу от Мурманской железной дороги севернее Линтуярвийской параллели и вдоль побережья Белого моря между Кандалакшей и Сорокой. Особо оговаривался режим полётов вдоль охранной зоны.

Относительно Финского залива финская делегация предлагала запрет на переход линии Ино — Таркаланматала — Куркула. Оговаривался запрет на вылавливание мин по другую сторону линии, а также на установку новых минных заграждений в Финском заливе. Финская делегация также обратила особое внимание на нахождение у своих границ финских красных частей и потребовала удалить их от линии соприкосновения с возможностью замены на русские части. Перемирие должно было быть установлено на 3 недели с предупреждением об отмене за 10 часов.

Русской делегации предоставили текст проекта, а также разъяснения члена финской делегации Сомерсало на карте относительно охранных и нейтральных зон. Обсуждение финского и русского предложений было решено перенести на следующее заседание. Оно состоялось через 2 дня, 14 апреля. Вначале Ветцер зачитал финские возражения на советские предложения о перемирии, после чего они в печатном виде были приложены к протоколу¹⁰. Финляндия не соглашалась на нейтральную зону в Финском заливе — в случае её принятия отрезанными от остальной части государства оказывались острова Лавенсари и Сескар. Финляндия отклонила и предложенный фарватер, поскольку, сняв минные заграждения, страна оказывалась незащищённой от нападений с моря. В вопросе о Реболах, Поросозере и Восточной Карелии финны ссылались на право наций на самоопределение¹¹. После этого началось обсуждение финских предложений. Лашевич просил разъяснить, что финнами подразумевается под охранной зоной и не является это одним и тем же, что и нейтральная зона. Ветцер дал разъяснения, согласно которым в нейтральной зоне стороны не имеют право иметь войска, тогда как в охранных могут быть вооружённые силы. Также председатель русской делегации попросил разъяснений относительно Парижской мирной конференции, о которой говорилось в финском проекте:

«ЛАШЕВИЧ: О какой Парижской конференции идёт разговор?»

---

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 776. Л. 18.

¹¹ *Холодковский В. М.* Финляндия и Советская Россия... С. 189.

ВЕТЦЕР: Финляндская мирная делегация передала в Парижскую конференцию в июле в отделение Балтийского комитета предложение для урегулирования Печенгского вопроса.

ЛАШЕВИЧ: Я думаю, что для русской делегации Парижская конференция никакого значения не имеет. <...> Мы в то время были в явно враждебных отношениях с Лигой Наций и постановление её для нас никакого значения не имеет. Я от имени Русской делегации ссылку на Парижскую конференцию отвожу, так как она не имеет для нас никакого значения»¹².

Ветцер отметил, что эта ссылка была предназначена лишь для разъяснения выбора линии границы. На это председатель советской делегации ответил, что во время этих переговоров комиссии не имеют права обсуждать проблемы границ. Лашевич также добавил, что финское предложение ставит Россию в положение более невыгодное, чем Финляндию, в связи с чем, это предложение неприемлемо. Он повторил тезис о том, что на время перемирия нужно опираться на границу 1914 года. Финские войска должны быть отведены за эту линию. Статус Ребол и Поросозера должен обсуждаться на мирных переговорах, а до этого времени территорию волостей необходимо освободить от войск обеих сторон. Лашевич также отмечал, что вопрос о сохранности финского государственного имущества, которое имелось на территории двух указанных волостей и в Печенге, можно разрешить. Так, относительно Печенги, Лашевич предлагал тот вариант, который был одобрен главкомом Каменевым ещё в конце марта — учреждение двусторонней комиссии, разрешение иметь финнам не более 100 человек милиции для охраны имущества.

После этого возник вопрос о статусе Мурманской железной дороги. Ветцер утверждал, что, несмотря на положение этой магистрали внутри охранной полосы, управление ею целиком остаётся за советской стороной. Лашевич отметил, что этого факта в первоначальных финских предложениях не было.

Затем слово взял морской эксперт Беренс. Он отметил, что советские предложения по Финскому заливу исходили из нескольких пунктов: необходимости дать возможность свободного торгового мореплавания для судов, идущих с грузом в Россию и обратно; необходимости пользования для судов РСФСР водами, прилегающими к русскому побережью; сохранения обеспечивающего безопасность Советской России военно-морского положения на время перемирия¹³. Эксперт отметил, что проблема принадлежности островов Сескар и Лавенсари должна решаться на мирных переговорах, а до их начала необходимо предоставить

---

¹² РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 776. Л. 12.

¹³ Там же. Л. 14.

свободное сношение финнов с упомянутыми островами, но только с помощью гражданского флота.

После Беренса слово взял военный эксперт Самойло. Он отмечал неравноценное стратегическое положение обеих сторон в финском проекте охранных зон, причём в Карелии невыгодность такого положения вырисовывается намного резче, чем на Карельском перешейке. Исходя из того, что данные переговоры являются лишь переговорами о перемирии, то необходимо установить такое положение, которое ставило стороны в одинаковые условия.

Ветцер в своём ответе на эти претензии отмечал, что Россия имеет прекрасный тыловой пункт сосредоточения войск — Петроград, который нивелирует остальные неудобства стратегического положения России. Кроме того, наличие в Карелии Мурманской железной дороги также даёт Советской России преимущество при возможной концентрации и переброски войск в районы соприкосновения. Самойло не согласился с Ветцером, подчёркивая, что Петроград не даёт никаких стратегических преференций в вопросе развёртывания и маневрирования войск.

Обсуждение военных вопросов плавно перешло к проблеме статуса Печенги. Лашевич попросил финских делегатов предоставить исторические и юридические основания на обладание этой территорией. Ветцер сослался на обещание от 1864 года предоставить Финляндии выход к океану в обмен на территорию, выделенную под строительство Сестрорецкого оружейного завода. Председатель финской делегации отметил, что фактически это был обмен территориями и утверждал, что документальное подтверждение этому есть у обеих сторон. На обсуждении этого вопроса заседание закрылось. Таким образом, за два дня переговоров обнаружились серьёзные расхождения в проблеме установления демаркационной линии. Финская делегация пыталась обсудить также территориальные проблемы, однако все попытки пресекались советскими представителями.

Переговоры возобновились на следующий день, 15 апреля. Они начались с оглашения возражений финской делегации на русские предложения. К сожалению, остаётся только догадываться, какие пункты стали предметом финских претензий. Председатель русской делегации Лашевич отметил, что первая половина финского заявления по существу выходила за пределы переговоров о перемирии¹⁴. Далее слово взял представитель НКВД Зуль. Он ещё раз подчеркнул, что вопросы об изменениях границ должны решаться на мирной конференции, а не на переговорах военных представителей. Однако он высказал своё мнение относительно притязаний Финляндии на Печенгу. Зуль отметил, что юридическое

---

¹⁴ Там же. Л. 31.

обоснование, выдвинутое финнами ранее (а именно проект, предложенный Парижской мирной конференции) недостаточно. Поэтому стали появляться другие обоснования, как, например, обещания русского царя.

Зуль заметил, что историческим фактом является договор между Норвегией и Россией, определивший границу двух стран. «Следовательно, мы имеем определённый исторический факт установления границы имеющим международную силу договором и длительным периодом фактических отношений между Русским и Норвежским правительством»¹⁵. Также Зуль ответил и на замечания финских делегатов относительно договора, заключённого между СНК и СНУ 1 марта 1918 года. Он отметил два обстоятельства: во-первых, нынешнее финляндское правительство не считает себя юридическим наследником СНУ. Во-вторых, разговоры ведутся лишь об одном пункте договора (о передаче Печенги), однако игнорируются другие пункты. Таким образом, Зуль пришёл к выводу, что притязания Финляндии несостоятельны и ещё раз подчеркнул, что такого рода вопросы должны рассматриваться на мирной конференции, но никак не на переговорах о перемирии. Также Зуль упомянул переговоры между Маннергеймом и генералом Миллером относительно передачи Печенги, в обмен на помощь со стороны Финляндии при наступлении на Петроград.

Ветцер отметил, что в проекте об условиях перемирия было только высказано само требование, безо всякой мотивировки. Также председатель финской делегации отметил, что всё ещё остаётся вопрос о компенсации территориальных потерь Финляндии (имея в виду территорию Сестрорецкого оружейного завода), и она имеет полное право быть вознаграждённой. Далее Ветцер указал на то, что такая постановка вопроса говорит не об оккупации территорий, а об установлении охранной полосы, обеспечивающей перемирие. Относительно же переговоров между Миллером и Маннергеймом финны отметили, что им ничего не известно о них¹⁶.

В ответ на это Зуль констатировал, что договор со СНУ от 1 марта 1918 года не может быть основанием, на котором могут строить свои претензии как та, так и другая сторона. Таким образом, складывается впечатление, что, помимо прочего, советской делегации было важно добиться отказа от рассмотрения договора 1 марта как соглашения, имеющего на данный момент какую-либо юридическую силу для того, чтобы выбить из рук Финляндии один из аргументов их претензии на Печенгу.

Относительно Печенги Зуль отмечал, что, поскольку вопрос касается также интересов Норвегии, то логичным было бы рассматривать его в трёхстороннем

---

¹⁵ Там же. Л. 32.

¹⁶ Там же. Л. 34.

порядке на мирных переговорах. Стоит отметить, что в норвежской прессе вопрос о статусе Печенги уже был поднят. Согласно В.М. Холодковскому, Норвегия выступала против изменений на Севере без согласия России. Также часть населения района Печенги (преимущественно финны) ходатайствовали о присоединении к Норвегии¹⁷.

Далее председатель русской делегации Лашевич подвёл итог, указав, что финская делегация не внесла существенных изменений в те предложения, которые были внесены ещё 12 апреля. Он зачитал, однако, ответ на финские предложения, после чего Ветцер попросил время для его обсуждения. Кроме того, председатель финской делегации отметил, что запросил финское правительство относительно вопроса о фарватере в Финском заливе, однако ответа до сих пор не получил. Также он указал на то, что советская делегация фактически проигнорировала вопрос о финских вооружённых коммунистах, находящихся у границы. Он отметил, что в положении сказано об обязательстве России удалить все войсковые части, составленные из финляндских красных, с правом замены русскими¹⁸. Лашевич ответил на это, что у него нет полномочий обсуждать этот вопрос. На этом заседание 15 апреля было закрыто.

Переговоры возобновились 17 апреля. Они начались с мотивировки пункта №6 финского проекта о перемирии, касающегося финских красных частей. После этого Ветцер огласил телеграмму, полученную от Карельского Правительства в Ухте. В ней сообщалось о вторжении отряда большевиков в Юскиерви. 14 апреля мужское население Ухты приняло решение сопротивляться нападению¹⁹.

Лашевич отметил, что требования финской делегации относительно пункта 6 представляются ненормальными. Он отметил, что финны требуют, чтобы части регулярной «Русской армии» (а не национальные войска) были удалены от границы. Таким образом, председатель делегации вновь указал на то, что финские коммунисты ассимилированы. Финская делегация мотивировала это требование тем, что финские части занимаются агитацией в приграничных районах, в частности, в Белоострове. Лашевич отметил, что даже если части, в составе которых есть финны, будут удалены, то агитация не прекратится²⁰. Он подкреплял это заявление тем, что советской стороне неизвестно о существовании легальных организаций, занимающихся агитацией. Таким образом, финляндским представителям, судя по всему, известно о существовании нелегальных организаций, действующих на их территории. Значит, они будут действовать вне зависимости от того, находятся ли

---

¹⁷ Холодковский В. М. Финляндия и Советская Россия... С. 189.

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 776. Л. 36.

¹⁹ Там же. Л. 44.

²⁰ Там же. Л. 45.

финские коммунисты у границы или нет. Также в ответ на претензии финнов о том, что некоторые руководители Северной коммуны (Петрограда) поддерживают агитацию на территории Финляндии, Лашевич отметил, что, являясь членом президиума Петроградского Совета, не имеет сведений о таких лицах и просит их указать. Относительно обвинения в усилении концентрации советских частей в Олонецкой губернии председатель русской делегации отверг их, отмечая, что усиления войсковых частей не было, хотя Россия имеет на это право, поскольку перемирие ещё не заключено. Лашевич также отметил, что Россия имеет право производить перегруппировки на тех или иных участках.

В ответ на приведённую телеграмму относительно действий большевиков в районе Ухты Лашевич указал, что советская сторона не давала обязательств не занимать пунктов в этом районе, особый статус был оговорён только для Ребольской и Поросозерской волостей. В остальном Карельском районе руки у России развязаны. «...Русские войска имеют право по приказу командования занять тот или иной пункт. Что касается того, что местное население, руководимое мифическим для России Правительством, будет оказывать сопротивление, то Россия будет рассматривать его как **повстанцев** и примет по отношению к нему **соответствующие меры**»²¹.

В ответ на речь Лашевича Ветцер привёл свои возражения. Председатель финской делегации указал на требование русских коллег о разоружении и интернировании белогвардейских частей и отметил, что если бы финны потребовали того же в отношении красных финнов, то это было бы только обоюдным требованием. Однако была озвучена лишь просьба об их удалении от границы. Относительно сосредоточения русских войск в Олонецкой губернии Ветцер отметил, что не оспаривает такое право советской стороны, однако указывает на то, что эти действия идут вразрез с заявленным миролюбием РСФСР. Отправка же войск в Ухту влечёт за собой, по мнению финской делегации, напряжённость на пограничной линии, в связи с чем объясняется требование об установлении охранной полосы²².

В ответ на эти возражения Лашевич отметил, что части красных финнов не являются теми, что были прежде. Многие из них уже долгое время живут в Советской России. Также он отметил, что согласно изданному декрету, по которому предоставлено право всем иностранцам, прожившим определённое время в России, получить гражданство, указанные финны натурализованы. Относительно концентрации войск в Олонецком районе председатель советской делегации заявил, что ему об этом ничего не известно. Он отметил миролюбивый настрой советской

---

²¹ Там же. Л. 46.

²² Там же. Л. 47.

стороны и желание жить с Финляндией в добрососедских отношениях. «Очевидно, сведения финской делегации в этом направлении неверны и неточны»²³.

Относительно вопроса о Восточной Карелии Лашевич заявил, что на мирных переговорах должна быть выработана форма, «посредством которой Карельский народ, а не отдельные группы, ведущие агитацию в пользу Финляндии, мог выразить свою волю»²⁴. Предложение Финляндии об охранных зонах даёт финнам преимущество, так как после отвода войск Россия не сможет следить за событиями в Восточной Карелии. Лашевич также уверил финскую делегацию, что советская сторона не желает «применять никаких насильственных мер по отношению к карельскому населению, если никакие вооружённые действия не будут иметь место с его стороны»²⁵. Если окажется, что карельский народ хочет присоединиться к Финляндии, то российской правительством не стало бы подавлять волю целого народа, отметил председатель советской делегации. Однако на данный момент доказательства такой воли нет, поэтому Россия считает Восточную Карелию своей территорией, на которой ведётся финская агитация.

Относительно обвинений в агитации на территории Финляндии Лашевич в этот раз решил указать на деятельность финских агитаторов в Карелии. «Так как Финская делегация не хочет допускать коммунистической агитации в Финляндии, то и Русская Делегация может с полным правом сказать, что нельзя допустить агитации против России в области, бесспорно являющейся русской»²⁶.

Председатель финской делегации Ветцер возразил относительно незнания советской делегации о чаяниях карельского народа. Он сослался на резолюцию, принятую в Ухте 21 марта собранием депутатов Восточной Карелии. Также глава делегации указал, что предлагаемые Финляндией охранные полосы предназначены, в том числе для препятствования агитации среди местного населения, как с финской, так и с советской стороны. Относительно концентрации русских войск в Олонецкой губернии Ветцер попросил дать необходимые разъяснения члена финской делегации майора Сомерсало.

Он отметил, что передвижения советских войск в этой губернии являлись самыми значительными за последние несколько месяцев и по своей активности превышают даже аналогичные действия в период перед разгромом Северной армии Миллера. На вопрос Лашевича о том, когда эти передвижения были сделаны, Сомерсало ответил, что в последние две-три недели²⁷. Лашевич отметил, что эти войска были переброшены из Архангельска для борьбы с белыми (несмотря на то,

---

²³ Там же. Л. 48.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 49.

²⁷ Там же. Л. 50.

однако, что Мурманск был уже взят). Также председатель советской делегации отметил, что РСФСР никогда не вынашивала планы первой нападать на Финляндию.

Ветцер в ответ указал, что русские коммунистические газеты писали о том, что в случае победы революции в Финляндии, коммунисты Советской России сочли бы своим долгом прийти на помощь своим финским братьям. Лашевич отметил, что газетные статьи являются лишь мнением определённой группы лиц, но никак не официальной позицией государства. Напротив, на территории Финляндии существуют организации, враждебные Советской России. Ветцер напомнил, что на просьбу генерала Юденича организовать свои войска в Финляндии, правительство страны неоднократно отвечало отказом. Лашевич возразил, что генерал мобилизовывал в Финляндии русское население, на что Ветцер уточнил, что эта мобилизация проходила в Эстонии. Лашевич сослался на русские газеты в Финляндии, в которых указывалась информация о вербовке русских в армию Юденича. Также Лашевич снова напомнил финской делегации о факте переговоров между Маннергеймом и Миллером. Подытоживая, Лашевич сравнил количество враждебных актов, которые имели стороны друг против друга и заметил, что «пожалуй, окажется, что счёты наши не равны»²⁸. Ветцер попытался перевести обсуждение ближе к проблеме охранных полос, используя всё вышесказанное в качестве аргумента. Лашевич вновь, как в первый день переговоров, отметил, что установление охранных полос даёт все преимущества стратегического характера Финляндии. Также председатель советской делегации указал, что в своих предложениях РСФСР пошла на уступки финнам. Также в очередной раз Лашевич заявил о принадлежности Восточной Карелии России.

Ветцер возразил на это, указав, что карелы — финское племя, и что они сами заявили, что они финны. Также председатель финской делегации, подводя некоторый итог, указал, что финские условия мотивированы в достаточной степени, тогда как русская делегация не сделала никаких изменений в сравнении со своими изначальными предложениями. Лашевич возразил, что после того, как Финляндия отклонила линию 1914 года в качестве демаркационной, была предложена нейтральная полоса. На это предложение до сих пор не последовало ответа. Ветцер заметил, что демаркационная линия предполагает наличие нейтральной полосы, поэтому никаких изменений, по сути, нет.

Слово взял представитель НКВД Зуль, который обратил вновь внимание на вопрос о белых частях на территории Финляндии и финских коммунистах. Он указал на неверность мотивировки финскими делегатами своего требования.

---

²⁸ Там же. Л. 52.

Представитель НКИД указал, что об аналогии предъявленных требований можно было бы говорить, если бы советская сторона просила удалить от линии соприкосновения наиболее враждебные финские части (в пример была приведена Карельская гвардия). Также Зуль указал на некоторые общественные и иные организации на территории Финляндии, которые прямо декларируют свою враждебную политику по отношению к Советской России. В то же время реакция на такие нападки со стороны РСФСР довольно пассивна. Помимо этого, член русской делегации отметил, что в своей сути предложение финнов об охранной линии и русская инициатива проведения нейтральной полосы, в сущности, одинаковы. Вопрос лишь в размерах²⁹.

Относительно Печенги Зуль заявил, что для Советской России наиболее важной и принципиальной проблемой является сохранение общей границы с Норвегией. Представитель НКИД отметил, что решение проблемы этой территории фактически невозможно без участия в этом вопросе Норвегии, а затем заговорил о том, что цель данных заседаний — заключение перемирия и прекращение того ненормального положения, которое сложилось на русско-финляндской границе за последнее время. Также было особо подчеркнуто, что стороны ведут боевые действия при фактическом отсутствии статуса войны³⁰. Зуль также заявил, что если Финляндское правительство не будет оказывать поддержки враждебным РСФСР организациям, и вмешиваться в борьбу, то она может считать себя гарантированной от вторжения на её территорию Советских войск.

После выступления представителя НКИД финский делегат Сомерсало спросил, почему принцип неизменности границ 1914 года не распространяется на Финский залив. Лашевич ответил, что границы на море не проводились, ссылаясь на слова морского эксперта Беренса³¹. Относительно статуса финских островов председатель советской делегации указал, что этот вопрос не может быть причиной прекращения переговоров, поскольку он входит в компетенцию будущей мирной конференции. Фарватер, предложенный российскими представителями для торговых судов (не военных) является единственно возможным. Сомерсало высказал согласие с позицией русской делегации, однако возразил против утверждения, что между странами не существует морской границы. Финляндская делегация требует только охранной полосы на суше и демаркационной линии.

Беренс указал на то, что у советской делегации нет намерения устанавливать морскую границу. Вопрос заключается лишь в фарватере. Но, поскольку есть

---

²⁹ Там же. Л. 55.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 56.

морское побережье, то должна быть и морская граница. Сомерсало возразил, что вопрос о границе был инициирован русской делегацией. Он также обвинил советских делегатов в том, что те не хотят допустить сообщения финских судов с финляндской территорией. На это Беренс ответил, что демаркационная линия, предложенная русской делегацией, призвана дать возможность русским судам общаться с русскими гаванями.

Сомерсало и Ветцер пришли к выводам, что позиции сторон выяснены в достаточной степени и предложили обеим сторонам связаться со своими правительствами. Лашевич отметил, что с русской стороны новых предложений нет, и он ожидает таковых от финнов. После этого заседание было закрыто. Таким образом, встреча делегатов 17 апреля стало самой насыщенной на обсуждения позиций сторон, однако также осталась безрезультатной.

18 апреля Беренс связался³² по аппарату Юза с С. А. Изенбеком³³. Помимо технических моментов, морской представитель поделился со своим коллегой впечатлениями от переговоров. «Моё личное впечатление, что они перемирия хотят и пошли бы на уступки, но их смущает значительное усиление войск с нашей стороны»³⁴. Помимо этого, Беренс просил уточнить у штаба, можно ли согласиться на фарватер южнее островов Сескар и Лавенсари, который предлагала финская делегация. Также он отметил, что в будущем вопрос о морской границе и фарватере на Финском заливе будет очень сложным на мирных переговорах. «Было бы очень желательно теперь же начать собирать материалы и может быть компетентных лиц для разработки тех вариантов наших условий, на море которые потребуются при переговорах о мире, в которых вероятно примет участие и Эстляндия. Сделать этот последний момент как то было перед теперешними переговорами будет невозможно»³⁵. Таким образом Беренс указывал на то, что по морской части почти не была проведена подготовка к переговорам о перемирии с Финляндией. После морского эксперта делегации с Изенбеком имел разговор некий Бобылёв³⁶, который сообщил, что «...достал очень ценный материал показывающий с 1328 года на наше право на Печенгский район, труд был составлен известными профессорами и имеется в Европе только два экземпляра...»³⁷. Это, по словам Бобылёва, должно помочь при выработке мира при возвращении из Раяйоки.

---

³² Там же. Л.73.

³³ Сергей Артурович Изенбек — морской офицер, в 1920 году начальник технического управления штаба морских сил Республики.

³⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 776. Л. 73.

³⁵ Там же. Л. 74.

³⁶ По всей видимости, это Александр Константинович Бобылев, военный моряк, бывший в близких дружеских отношениях с Беренсом. Вероятно, в 1920 году он также состоял в РВСР.

³⁷ Там же.

Примерно в то же время Лашевич связывался с главкомом Каменевым. Отмечая, что финны на уступки идти не хотят, а иногда их уступки выглядят ещё хуже, чем первоначальные предложения, председатель русской делегации делился своим мнением: «Перед делегацией встал вопрос, есть ли необходимость продолжать скучную канитель, не дающую пока никаких результатов или заставить финнов каким-нибудь актом высказать определённые приемлемые для нас предложения»³⁸. Относительно дальнейших действий Лашевич просил узнать у наркоминдела. Сам Каменев сказал, что он бы шёл по пути предъявления ультиматума.

Так или иначе, жёсткая позиция, которую занимали обе стороны, не привели к непосредственным результатам. Обмен мнениями относительно проектов перемирия также не вносил кардинально новых вариантов решения установившихся проблем. В разговоре с Каменевым Лашевич указал, что представитель НКВД Зуля в ответ на одно из финских заявлений предложил следующее: «кроме слов они ничего не дадут и что мы не видим со стороны Финляндии желания скорейшего заключения перемирия и так как их предложения для нас неприемлемы и что нам необходимо сговориться с Реввоенсоветом Республики, а потому мы прерываем переговоры на неделю для поездки в Москву»³⁹.

Так и произошло. По всей видимости, НКВД одобрил идею Зуля. 24 апреля советская делегация сделала заявление, в котором поставила известность своих коллег, что вынуждена прервать переговоры до 3-го мая для непосредственного доклада РВС. Фактически это означало конец переговоров о перемирии.

Таким образом, переговоры в Раяйоках закончились безрезультатно. Однако они показали, что добиться мира вполне возможно. Как Лашевич, так и морской представитель Беренс в своих отчётах указывали на готовность финнов идти на заключение договора. Так или иначе, но после провала в Раяйоки обе стороны начали готовиться к будущим мирным переговорам. Финляндия на уровне сенатской комиссии, Советская Россия на уровне ведомственных предложений.

Список литературы

Холодковский, В. В. Финляндия и Советская Россия. 1918–1920. — Москва : Наука, 1975. — 264 с.

Рупасов, А. И. Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. Очерки истории / А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. — Санкт-Петербург : Издательство «Аврора», 2016. — 240 с.

Kagnas, A. Beyond Russophobia: A Practice-Based Interpretation of Finnish–Russian / Soviet Relations / A. Kagnas // *Cooperation and Conflict*. — 2001. — No. 46. — P. 40–59.

---

³⁸ Там же. Л. 83 об.

³⁹ Там же.